ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. О. Ключевский

SHOUT
SHARE
IT
SECURITY

Annotation

«Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую» – в этом афоризме выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского выразилось его собственное научное кредо. Ключевский был замечательным лектором: чеканность его формулировок, интонационное богатство, лаконичность определений завораживали студентов. Литографии его лекций студенты зачитывали в буквальном смысле до дыр.

«Исторические портреты» В.О.Ключевского – это блестящие характеристики русских князей, монархов, летописцев, священнослужителей, полководцев, дипломатов, святых, деятелей культуры.

Издание основывается на знаменитом лекционном «Курсе русской истории», который уже более столетия демонстрирует научную глубину и художественную силу, подтверждает свою непреходящую ценность, поражает новизной и актуальностью.

- Василий Осипович Ключевский
  - Лжедимитрий I

Василий Осипович Ключевский

Лжедимитрий I

Лжедимитрий I.
С прижизненного изображения Луки Килиена

Самозванство. Так подготовлялась и началась Смута. Как вы видите, она была вызвана двумя поводами: насильственным и таинственным пресечением старой династии и потом искусственным ее воскрешением в лице первого самозванца. Насильственное и таинственное пресечение династии было первым толчком к Смуте.

Пресечение династии есть, конечно, несчастье в истории монархического государства; нигде, однако, оно не сопровождалось такими разрушительными последствиями, как у нас. Погаснет династия, выберут другую, и порядок

восстанавливается; при этом обыкновенно не появляются самозванцы, или на появившихся не обращают внимания, и они исчезают сами собою. А у нас, с легкой руки первого Лжедимитрия, самозванство стало хронической болезнью государства: с тех пор чуть не до конца XVIII в. редкое царствование проходило без самозванца, а при Петре, за недостатком такового, народная молва настоящего царя превратила в самозванца. Итак, ни пресечение династии, ни появление самозванца не могли бы сами по себе послужить достаточными причинами Смуты; были какие-либо другие условия, которые сообщили этим событиям такую разрушительную силу. Этих настоящих причин Смуты надобно искать под внешними поводами, ее вызвавшими.

Скрытые причины Смуты открываются при обзоре событий Смутного времени в их последовательном развитии и внутренней связи. Отличительной особенностью Смуты является то, что в ней последовательно выступают все классы русского общества, и выступают в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества, как были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лествице чинов. На вершине этой лествицы стояло боярство; оно и начало Смуту.

В гнезде наиболее гонимого Борисом боярства с Романовыми во главе, по всей вероятности, и была высижена мысль о самозванце. Винили поляков, что они его подстроили; но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве. Недаром Борис, как только услыхал о появлении Лжедмитрия, прямо сказал боярам, что это их дело, что они подставили самозванца. Этот неведомый кто-то, воссевший на московский престол после Бориса, возбуждает большой анекдотический интерес.

Его личность доселе остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее. Долго господствовало мнение, идущее от самого Бориса, что это был сын галицкого мелкого дворянина Юрий Отрепьев, в иночестве Григорий. Не буду рассказывать о похождениях этого человека. Упомяну только, что в Москве он служил холопом у бояр Романовых и у князя Черкасского, потом принял монашество, за книжность и составление похвалы московским чудотворцам взят был к патриарху в книгописцы и здесь вдруг с чего-то начал говорить, что он, пожалуй, будет и царем на Москве. Ему предстояло за это заглохнуть в дальнем монастыре; но какие-то сильные люди прикрыли его, и он бежал в Литву в то самое время, когда обрушились опалы на романовский кружок. Тот, кто в Польше назвался царевичем Димитрием, признавался, что ему

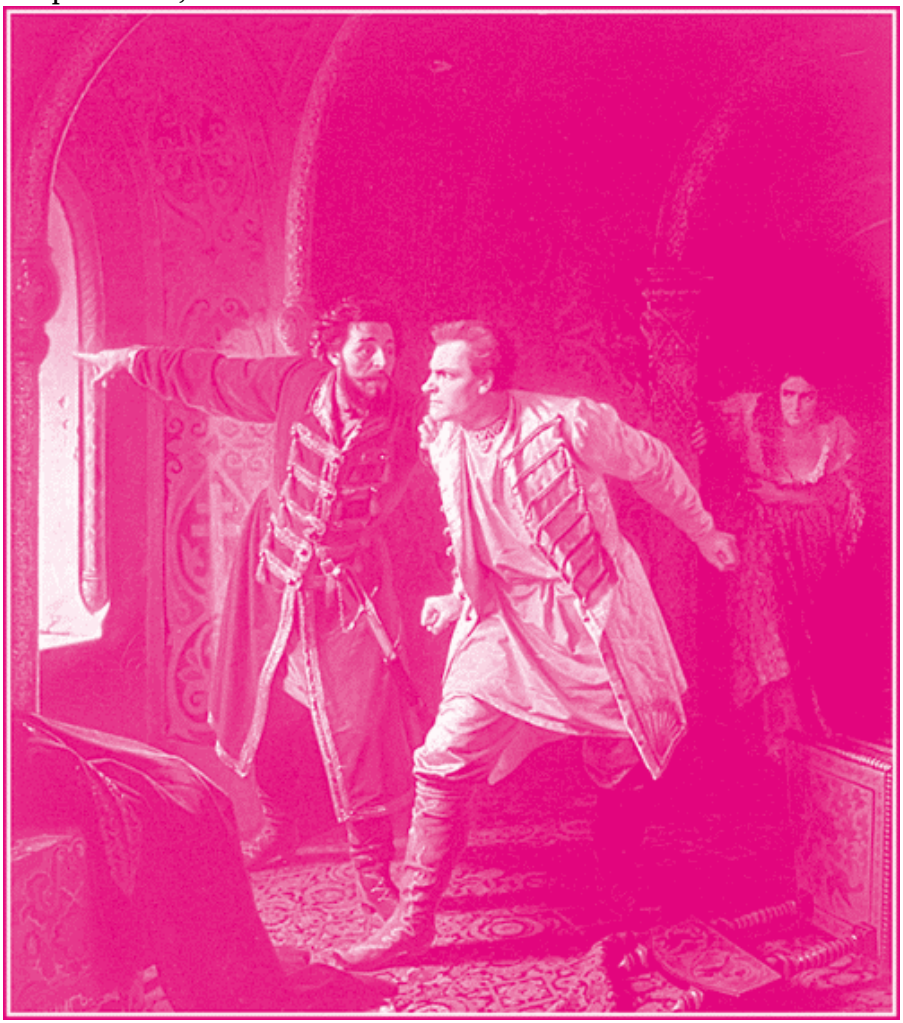
покровительствовал В. Щелкалов, большой дьяк, тоже подвергавшийся гонению от Годунова. Трудно сказать, был ли первым самозванцем этот Григорий или кто другой, что, впрочем, менее вероятно.

Но для нас важна не личность самозванца, а его личина, роль, им сыгранная. На престоле московских государей он был небывалым явлением. Молодой человек, роста ниже среднего, некрасивый, рыжеватый, неловкий, с грустно-задумчивым выражением лица, он в своей наружности вовсе не отражал своей духовной природы. Богато одаренный, с бойким умом, легко разрешавшим в Боярской думе самые трудные вопросы, живым, даже пылким темпераментом, в опасные минуты доводившим его храбрость до удальства, податливый на увлечения, он был мастер говорить, обнаруживал и довольно разнообразные знания. Он совершенно изменил чопорный порядок жизни старых московских государей и их тяжелое, угнетательное отношение к людям, нарушал заветные обычаи священной московской старины, не спал после обеда, не ходил в баню, со всеми обращался просто, обходительно, не по-царски.

Он тотчас показал себя деятельным управителем, чуждался жестокости, сам вникал во все, каждый день бывал в Боярской думе, сам обучал ратных людей. Своим образом действий он приобрел широкую и сильную привязанность в народе, хотя в Москве кое-кто подозревал и открыто обличал его в самозванстве. Лучший и преданный его слуга П. Ф. Басманов под рукой признавался иностранцам, что царь – не сын Ивана Грозного, но его признают царем потому, что присягали ему, и потому еще, что лучшего царя теперь и не найти.

Но сам Лжедимитрий смотрел на себя совсем иначе: он держался как законный, природный царь, вполне уверенный в своем царственном происхождении; никто из близко знавших его людей не подметил на его лице ни малейшей морщины сомнения в этом. Он был убежден, что и вся земля смотрит на него точно так же. Дело о князьях Шуйских, распространявших слухи о его самозванстве, свое личное дело, он отдал на суд всей земли и для того созвал Земский собор, первый собор, приблизившийся к типу народно-представительского, с выборными от всех чинов или сословий. Смертный приговор, произнесенный этим собором, Лжедимитрий заменил ссылкой, но скоро вернул ссыльных и возвратил им боярство. Царь, сознававший себя обманщиком, укравшим власть, едва ли поступил бы так рискованно и доверчиво, а Борис Годунов в подобном случае, наверное, разделался бы с попавшимися келейно в застенке, а потом переморил бы их по тюрьмам. Но, как сложился в Лжедимитрии

такой взгляд на себя, это остается загадкой столько же исторической, сколько и психологической.



К. Вениг. **Последние минуты Григория Отрепьева. Самозванец и Басманов в утро 17 мая.** *1879 г.*

Как бы то ни было, но он не усидел на престоле, потому что не оправдал боярских ожиданий. Он не хотел быть орудием в руках бояр, действовал слишком самостоятельно, развивал свои особые политические планы, во внешней политике даже очень смелые и широкие, хлопотал поднять против турок и татар все католические державы с православной Россией во главе. По временам он ставил на вид своим советникам в Думе, что они ничего не видали, ничему не учились, что им надо ездить за границу для образования, но это он делал вежливо, безобидно.

Всего досаднее было для великородных бояр приближение к

престолу мнимой незнатной родни царя и его слабость к иноземцам, особенно к католикам. В Боярской думе, рядом с одним князем Мстиславским, двумя князьями Шуйскими и одним князем Голицыным, в звании бояр сидело целых пятеро каких-нибудь Нагих, а среди окольничих значились три бывших дьяка. Еще более возмущали не одних бояр, но и всех москвичей своевольные и разгульные поляки, которыми новый царь наводнил Москву. В записках польского гетмана Жолкевского, принимавшего деятельное участие в московских делах Смутного времени, рассказана одна небольшая сцена, разыгравшаяся в Кракове, выразительно изображающая положение дел в Москве.

В самом начале 1606 г. туда приехал от Лжедимитрия посол Безобразов известить короля о вступлении нового царя на московский престол. Справив посольство по чину, Безобразов мигнул канцлеру в знак того, что желает поговорить с ним наедине. Назначенному выслушать его пану сообщил данное ему князьями Шуйскими и Голицыными поручение – попенять королю за то, что он дал им в цари человека низкого и легкомысленного, жестокого, распутного мота, недостойного занимать московский престол и не умеющего прилично обращаться с боярами. Они-де не знают, как от него отделаться, и уж лучше готовы признать своим царем королевича Владислава. Очевидно, большая знать в Москве что-то затевала против Лжедимитрия и только боялась, как бы король не заступился за своего ставленника.

Своими привычками и выходками, особенно легким отношением ко всяким обрядам, отдельными поступками и распоряжениями, заграничными сношениями Лжедимитрий возбуждал против себя в различных слоях московского общества множество нареканий и неудовольствий, хотя вне столицы, в народных массах популярность его не ослабевала заметно.

Однако главная причина его падения была другая. Ее высказал коновод боярского заговора, составившегося против Самозванца, князь В. И. Шуйский. На собрании заговорщиков накануне восстания он откровенно заявил, что признал Лжедимитрия только для того, чтобы избавиться от Годунова. Большим боярам нужно было создать самозванца, чтобы низложить Годунова, а потом низложить и самозванца, чтобы открыть дорогу к престолу одному из своей среды. Они так и сделали, только при этом разделили работу между собою: романовский кружок сделал первое дело, а титулованный кружок с князем В. И. Шуйским во главе исполнил второй акт. Те и другие бояре видели в самозванце свою ряженую куклу, которую, подержав до времени на престоле, потом выбросили на задворки. Однако заговорщики не надеялись на успех восстания без обмана.

Всего больше роптали на самозванца из-за поляков; но бояре не решались поднять народ на Лжедимитрия и на поляков вместе, а разделили обе стороны и 17 мая 1606 г. вели народ в Кремль с криком: «Поляки бьют бояр и государя». Их цель была окружить Лжедимитрия будто для защиты и убить его.

А. Бучкури. **Смерть Самозванца**